

В ту секунду, когда появился Цзян Яньчжоу, зрачки Дуань Сюя сузились. С его искажённого хищной злобой лица мгновенно слетела спесь, уступив место трусливому, нескрываемому замешательству.

— Ты чего сюда припёрся? — выдохнул Дуань Сюй, пытаясь изобразить уверенность, хотя голос его заметно дрогнул.

— Пришёл вернуть куртку, — Цзян Яньчжоу поднял новенький фирменный пакет, в котором лежала точно такая же модель, как у Цзянь Мяо. — Наша домработница случайно испортила прежнюю во время стирки. Я купил замену. Прости, старший.

Но не успел Цзянь Мяо протянуть руку, как Дуань Сюй грубо выхватил пакет и с силой вытащил одежду.

— Куртка? Твоя домработница стирает ему вещи?! Цзянь Мяо, это ещё что за фокусы? Ты же всегда панически избегал любых контактов с людьми!

Когда они были вместе, Цзянь Мяо даже не позволял ему надеть свою одежду!

— Неужели вся твоя сраная боязнь прикосновений — сплошная ложь...

Договорить он не успел. Звонкая, хлёсткая пощёчина заставила его голову мотнуться в сторону.

Всегда сдержанный, едва ли не бесхребетный на вид Цзянь Мяо опустил руку. Его голос звучал ледяным, отстранённым:

— Дуань Сюй, я — не ты.

Цзян Яньчжоу не волновал позор побеждённого соперника. Его взгляд соскользнул на дрожащую правую руку старшего. Цзянь Мяо даже для удара спрятал кисть в длинный рукав.

Никакого прямого касания.

Одарив Дуань Сюя презрительным взглядом, Цзянь Мяо развернулся. Тот, наконец ощутив подступающий страх, судорожно выбросил руку, пытаясь схватить его за одежду.

Но Цзян Яньчжоу оказался быстрее. Его длинные, точёные пальцы стальной хваткой сомкнулись на запястье Дуань Сюя. Нажим был таким сильным, что тому показалось, будто кости сейчас хрустнут и рассыплются в крошку.

— Не знаю, что между вами произошло, — с вежливой, но фальшивой улыбкой произнёс Цзян Яньчжоу, глядя на него светлыми янтарными глазами, — но назойливое преследование выглядит отвратительно, не находишь?

Дуань Сюй с ненавистью отвернулся. «Не знаю»? Да кроме них двоих именно этот пацан знал всё до мельчайших подробностей! К чему теперь эта святошеская мина?!

Цзян Яньчжоу наклонился чуть ближе, и от его безупречного лица повело давящей, удушающей угрозой. Он беззвучно, одними губами прошептал:

— Будь умницей. Убирайся.

— Ах ты... — Дуань Сюй исказился в гримасе и дернулся, намереваясь ударить, но Цзян Яньчжоу мгновенно разжал пальцы и отступил.

В тот же миг Цзянь Мяо шагнул вперёд, заслоняя младшего собой.

— Дуань Сюй, — Цзянь Мяо положил руку на запястье Цзян Яньчжоу. Жест защиты был более чем очевиден. — Не смей его трогать.

Дуань Сюй замер.

В его представлении Цзянь Мяо практически ни с кем не сближался и тем более никогда не прикасался к людям первым. За все время их отношений те немногие моменты, когда они держались за руки, выпрашивались долгими уговорами и длились считанные секунды.

Он искренне верил, что Цзянь Мяо испытывает отвращение к телесному контакту как таковому.

Почему же для Цзян Яньчжоу правила не работали?

Громкий стук захлопнувшейся двери эхом отдался в ушах. Дуань Сюй ещё долго стоял посреди комнаты, а затем бессильно опустился на корточки, сжимая голову руками и с яростью вырывая собственные волосы.

Цзянь Мяо шагал быстро, взвинченный до предела. Цзян Яньчжоу молча следовал за ним, не сводя глаз с руки старшего, сжимавшей его запястье.

Рукава курток, которые носил Цзянь Мяо, всегда были чуть длиннее нужного, изящно

прикрывая кончики пальцев и оставляя видимыми лишь фарфорово-розовые подушечки. Сейчас из-за нахлынувших эмоций его пальцы слегка побелели от напряжения.

«Считается ли это за "держаться за руки"? Если да, то, пересчитав на наши деньги, мы только что сбежали вместе?»

Цзян Яньчжоу едва заметно улыбнулся и покорно позволил уводить себя.

Затащив младшего в лифт, Цзянь Мяо растерянно уставился на панель с цифрами, осознав, что бежать ему некуда.

Пока он стоял в замешательстве, пленённая рука мягко поднялась и нажала кнопку минус первого этажа.

— На минус первом подземный паркинг... — Цзянь Мяо опомнился, тут же отдернул руку и отступил в угол кабины. — Извини.

— Ничего страшного, — Цзян Яньчжоу плавно повернулся, чтобы старший не видел, как он легонько сжал собственное запястье, хранящее чужое тепло. — Цяо Цяо сказал, что тебе нездоровится, вот я и решил заглянуть... Я не подслушивал специально.

— Не бери в голову, — Цзянь Мяо опустил ресницы. — Мне скорее стоит поблагодарить тебя. Ты выручил меня.

Голова раскалывалась. Если бы не появление Цзян Яньчжоу, неизвестно, сколько бы ещё Дуань Сюй мотал ему нервы.

Кабина плавно шла вниз. Когда замигал индикатор минус первого этажа, Цзян Яньчжоу тихо произнес:

— Когда паршиво на душе, можно не поддерживать разговор. Не насилуй себя.

Цзянь Мяо по привычке хотел отшутиться, но, встретившись взглядом с этими чарующими чайными глазами, понял, что фальшивить перед человеком, который искренне за него переживает, будет просто некрасиво.

— Угу, — он вздохнул, уставившись на носки одноразовых гостиничных тапочек. — Первое расставание... Сложно не расстраиваться.

Первое расставание.

Хотя вывод напрашивался сам собой, у Цзян Яньчжоу внутри всё опустилось, будто тяжелый ледяной валун рухнул в самую уязвимую глубь сердца.

— Если ты всё ещё любишь его... может, стоит вернуться и расставить все точки над «i»?

Цзянь Мяо замер. Повернувшись, он наткнулся на устремленный на него взгляд. Цзян Яньчжоу стоял позади, свет лифтового плафона очерчивал его силуэт, а в глубине глаз, потерявших блеск, проскользнул тот самый холод, что был в номере.

Цзянь Мяо, конечно, тосковал вовсе не по Дуань Сюю. Он оплакивал свою несложившуюся «первую любовь». Для человека, оставшегося в прошлом, статус «первой любви» был куда значимее, чем сам Дуань Сюй.

Атмосфера натянулась. Цзянь Мяо уже собирался перевести всё в шутку, но младший опередил его:

— Хотя сам я не признаю попыток склеить разбитую чашку. Так что из вежливости дам лишь один этот совет.

Цзянь Мяо отродясь не слышал таких «утешений». Через пару секунд тишины он тихо фыркнул от смеха, за которым последовал сухой кашель.

Цзян Яньчжоу посмотрел на его розовеющие кончики ушей, достал из пакета новую куртку и накинул её на плечи старшего.

— Пойдём. Я взял ключи от машины.

Ткань на плечах сохранила едва уловимый, нежный шлейф ириса — точь-в-точь как от самого Цзян Яньчжоу. На мгновение Цзянь Мяо показалось, будто его мягко обняли со спины.

Тупая боль в висках и головокружение будто немного отступили. Он в замешательстве воззрился на парня. Тот уже стоял снаружи, придерживая кнопку вызова, и тихо пояснил:

— Поедем в больницу. У тебя жар.

Цзянь Мяо прикоснулся ко лбу и только сейчас понял, что его и впрямь знобит.

— Когда ты пришёл ко мне обработать рану, ладони уже были горячими, — Цзян Яньчжоу чуть опустил голову, его голос звучал виновато. — Я не обратил внимания сразу. Извини.

— За что ты извиняешься? — Цзянь Мяо опустил глаза. — Я сам виноват, продуло.

Из-за недосыпа и высокой температуры уголки его глаз налились нежным, ягодным румянцем, придавая облику болезненную уязвимость.

Цзянь Яньчжоу подвёл его к машине и учтиво распахнул переднее пассажирское кресло:

— Садись, не перенапрягайся.

Цзянь Мяо планировал отлежаться на заднем сиденье, но, увидав искреннее рвение младшего, не решился отказывать и с тихим «спасибо» забрался в салон.

Заметив, что старший тянется к ремню безопасности, Цзянь Яньчжоу едва заметно улыбнулся и обошёл авто.

Цзянь Мяо черкнул пару строк Цяо Цяо. Едва он почувствовал сухость в горле, как в поле зрения появилась уже откупоренная бутылка минералки.

— Попей. До ближайшей клиники ехать прилично, можешь пока вздремнуть.

Цзянь Яньчжоу с чинным видом сжал руль, но боковым зрением неотрывно следил за тем, как Цзянь Мяо, подобно хомячку, обеими руками держит бутылочку и делает маленькие глотки, после чего его губы становятся влажными и розовыми.

Звонки и сообщения от Дуань Сюя сыпались без остановки. Цзянь Мяо без колебаний отправил номер в чёрный список, откинулся на спинку кресла и погрузился в полузабытьё.

Во время болезни воспоминания накатывают незваной волной.

На первом курсе Цзянь Мяо тоже сильно заболел. Он просидел всю ночь в мастерской за эскизами, а поскольку ключи от общежития забыл, а будить соседей постеснялся, отправился дожидаться утра в круглосуточную кофейню.

В пять утра его разыскал Дуань Сюй — лохматый, спросонья, в перекошенной одежде. Первым делом он подхватил замёрзшего, горящего в бреду Цзянь Мяо и помчался в больницу.

Цзянь Мяо уже плохо помнил физическую боль того дня. Зато отчётливо помнил суетливую, трогательную заботу Дуань Сюя, которая разом заполнила зиявшую в его душе пустоту.

Заболев, человек становится донельзя ранимым.

Тогда Цзянь Мяо ещё не знал, любит ли Дуань Сюя, но ощущение, что о нём кто-то так искренне печётся, показалось ему прекрасным.

После того случая он сделает две вещи: снимет отдельную квартиру и согласится встречаться с Дуань Сюем.

Приехав в больницу, Цзянь Мяо с трудом соображал, глядя на бесконечные очереди, а Цзян Яньчжоу уже уверенно увёл его к нужному кабинету:

— Я взял талон заранее. Перед нами всего два человека.

— Когда ты успел?..

— Когда старший Цяо Цяо сказал, что ты спишь. Я глянул записи в ближайших клиниках и перехватил свободное окошко.

Спросив дежурную медсестру, он подхватил Цзянь Мяо и повел вверх.

В лифте поликлиники было не протолкнуться. Когда Дуань Сюй привозил его в больницу, Цзянь Мяо испытывал то же самое. Кожа, не защищённая одеждой, начинала зудеть и чесаться, будто по ней ползали мелкие насекомые. Он судорожно спрятал кисти в рукава.

Вынужденная близость к чужим людям, спёртый воздух, бесконечное ожидание... Всё это изматывало сильнее самой болезни.

Едва Цзянь Мяо вознамерился вжаться глубоко в угол, как до его носа донёлся тонкий аромат ириса.

Он поднял глаза. Цзян Яньчжоу загородил его от толпы, закрыв собой. Приступ паники мгновенно улегся.

Цзянь Мяо замер. Опустив взгляд, он увидел свисающую вдоль тела руку младшего, и в памяти вспыхнуло утреннее безумное желание прикоснуться к нему.

— Что такое? — раздался сверху тихий бархатный голос.

Цзянь Мяо смущённо отвёл взгляд:

— Ничего.

— Очень плохо? — Цзян Яньчжоу поднял руку, намереваясь приложить ладонь к его лбу.

Его длинные, безупречные пальцы перекрыли весь обзор. Привычное отторжение растворилось без следа. Мысль о том, что сейчас его коснутся, отозвалась дрожью во всём теле. Кожа, предвкушая прикосновение, сладко зазудела, а нервные окончания затрепетали.

Цзянь Мяо никогда ни от кого не ждал касаний. Цзян Яньчжоу стал первым.

«Сейчас он притронется. Я хочу, чтобы он притронулся.»

Но за миллиметр до его лба рука Цзян Яньчжоу замерла. словно рыбак подсёк наживку в тот самый миг, когда рыба уже разинула пасть.

Сердце Цзянь Мяо оборвалось.

— Извини, ты ведь не любишь, когда к тебе прикасаются, — виновато улыбнулся младший. — Я не должен был...

Он не успел договорить. Цзянь Мяо сам подался вперёд и прижался лбом к его раскрытой ладони.

Касание.

По коже разлилось непередаваемое, благостное тепло, будто всю его сущность омыли прохладной ирисовой водой, даруя спасение пылающему телу.

Цзянь Мяо почувствовал, как каждый его нерв натянулся и запел. Губы поневоле чуть разомкнулись, дыхание сбилось.

Это ощущение было настолько странным и пугающим, что он с трудом подавил бурю эмоций, чувствуя себя мелким, жадным воришкой, укравшим чужое тепло.

— ... Очень горячий? — опустив глаза, пролепетал он, пытаясь скрыть смущение. — У меня голова кружится.

— Горячий, — Цзян Яньчжоу мягко расправил пальцы, накрывая ладонью его щёку.

Он наблюдал, как Цзянь Мяо сам ластится к его руке, и его голос стал глуше на пару тонов:

— Потерпишь немного?

Потерпеть? Что потерпеть? Прикосновение?

Неужели он всё понял?!

Цзянь Мяо моментально протрезвел и испуганно воззрился на него.

— Хм? — на лице Цзян Яньчжоу застыла всё та же искренняя забота. — Третий этаж, мы пришли.

Осознав, что сам себя накрутил, Цзянь Мяо смущённо уткнулся носом в воротник:

— А, понял.

Градуcник показал 38.3°C. Капельница не потребовалась, доктор выписал рецепт:

— От этих таблеток может клонить в сон, так что обязательно отдохните.

Цзянь Мяо, привыкший строго следовать указаниям врача, прямо в круглосуточной аптеке взял булочку, перекусил и принял первую дозу.

Немного придя в себя, он обернулся и обнаружил, что младший всё это время терпеливо дежурил подле него.

Заметив его взгляд, Цзян Яньчжоу естественным жестом снова прикоснулся к его лбу и нахмурился:

— Кажется, всё ещё горит?

Цзянь Мяо тихо ухмыльнулся:

— Я только что выпил лекарство, оно же не действует мгновенно.

Цзян Яньчжоу замялся и виновато отвёл глаза:

—... Сглупил. Ну что, возвращаемся?

— Я не поеду к остальным, — Цзянь Мяо открыл приложение такси. — Ребята вырвались отдохнуть, зачем я буду заражать их?

К тому же он искренне не хотел снова пересекаться с Дуань Сюем.

Цзян Яньчжоу кивнул и предложил:

— До города ехать чуть больше часа. Я отвезу тебя на машине.

Цзянь Мяо качнул головой:

— Ну уж нет, удобства ради гонять тебя туда-сюда?

— Все в порядке. Брат и так просил меня вернуться пораньше — у него вечером съемки, заодно захватит наши вещи, — серьёзно проговорил Цзян Яньчжоу. — Окажись я на твоём месте, ты бы ведь тоже не бросил меня одного, верно?

И то правда.

Не в силах спорить, Цзянь Мяо сдался:

— Прости, я вечно создаю тебе проблемы.

— Никаких проблем, — Цзян Яньчжоу тепло посмотрел на него. — Ты помогал мне в клубе, носил молочный чай, угощал обедом. Эта мелочь — меньшее, что я могу сделать.

Эти пустяки казались Цзянь Мяо незначительными, однако сам он аккуратно зафиксировал в памяти каждое проявление заботы со стороны младшего, твердо намереваясь отплатить тем же.

Дорога заняла почти два часа. Минут через тридцать лекарство окончательно сморило Цзянь Мяо, и он задремал.

Глядя на его болезненный сон, Цзян Яньчжоу вёл машину безупречно плавно, а по пути осторожно опустил солнцезащитный козырек.

Когда авто остановилось на паркинге, Цзянь Мяо спал беспросветным сном. Его точёная, белоснежная шея выгибалась из воротника, подобно куску драгоценного шелка, бледная щека упиралась в стекло, а волосы рассыпались по лбу.

В сумерках гаража тень Цзян Яньчжоу, похожая на мрачный, густой туман, медленно накрыла Цзянь Мяо.

В чайных глазах парня отражался только этот хрупкий силуэт. Желания, доселе скрытые за

маской покорного мальчика, обнажились полностью. Он осторожно поднял прядь волос, упавшую на ухо старшего, поднёс к губам, вдыхая родной запах, и медленно прошептал:

— Старший...

Его голос звучал нежнее, чем писк звереныша, без нижайшего намека на желание разбудить.

Убедившись, что Цзянь Мяо не очнётся, его взгляд стал больно липким, удушающим, подобно паутине, захлестнувшей жертву.

«... В больнице тебе так хотелось, чтобы я взял тебя за руку?»

Цзян Яньчжоу тихо усмехнулся, обвивая темную прядь вокруг пальца, будто импровизированное перстень-оберег.

«Ты ведь не против моих прикосновений... Тебе даже нравится, правда?»

Цзян Яньчжоу коснулся губами самого кончика пряди:

«Я так счастлив. А теперь... я забираю тебя к себе.»

Спящий Цзянь Мяо был послушным и беззащитным, как ягнёнок. В его теле не ощущалось ни капли напряжения, и когда Цзян Яньчжоу подхватил его на руки, тот отозвался мягким, ласковым теплом.

Младший ногой толкнул дверь спальни.

Чистое, аккуратно заправленное однотонное белье не раз становилось местом, где Цзян Яньчжоу предавался порочным фантазиям об этом человеке. И мысль о том, что объект его вожделения сейчас окажется здесь, заставила кровь под его кожей закипеть.

Он аккуратно откинул одеяло и, опустив Цзянь Мяо на подушки, жадно прижался губами к его шее... Будто этот короткий жест мог сделать их настоящими любовниками.

Дыхание Цзян Яньчжоу стало тяжёлым, рваным.

Его молодая, крепкая спина выгнулась дугой — грациозная и хищная, полная смертоносной мощи затаившегося зверя.

Цзян Яньчжоу чуть приоткрыл губы, и кончик языка едва не коснулся пылающей кожи Цзянь Мяо... Доля миллиметра отделяла его от того, чтобы вкусить этот сладостный жар.

Хотелось. Навзрыд.

«... Но нельзя. Он пока не мой.»

На венах рук Цзян Яньчжоу, упёршихся в подушку, выпятились синеватые жилы — цена нечеловеческого самоконтроля. Преодолевая удушливую жажду, он с невозмутимым лицом поднялся, плавно вытаскивая ладонь из-под шеи старшего.

Пальцы покрылись тонкой пленкой пота — не разберешь, чьего именно.

Но стоило ему сделать шаг назад, как Цзянь Мяо во сне тихо простонал и уткнулся лицом прямо в его живот.

Цзян Яньчжоу замер.

В состоянии болезни верх берёт подсознание. Синдром кожной жажды, так долго глушимый Цзянь Мяо, вырвался наружу. Едва поняв, что Цзян Яньчжоу не вызывает у него отторжения, тело само потянулось к нему, как к единственному спасительному лекарству.

Запах ириса манил его.

Линия челюсти Цзян Яньчжоу натянулась, кадык судорожно ходил вверх-вниз.

Наконец он сдался и тяжело вздохнул, а в глубине его глаз закружилась непроглядная тьма.

Чуть расставив колени и избегая контакта в талии, он пробормотал с мучительной нежностью:

— Старший... ты надо мной издеваешься? Или тебе так больно после расставания, что срочно нужны чужие объятия?

Все-таки это первое расставание. Так называемая первая любовь.

Когда Цзянь Мяо проснулся, вокруг царил полумрак.

Он несколько секунд пролежал в абсолютной растерянности. Мозг отказался выдавать мысли,

навевая дикую идею: «Я что, ослеп?». Лишь спустя пару минут до него дошло, что он просто долго спал.

Спустя мгновение Цзянь Мяо подогнул колени и обнял себя руками.

Ему снился сон. Сон про младшего.

Будто сам он превратился в ленивую коалу, которая бессовестно повисла на Цзян Яньчжоу. Младший раз за разом пытался сдернуть его с себя, а Цзянь Мяо вопреки всякой логике снова и снова лип к нему, пока совсем не разозлил парня, и тот с досады не затолкал его на эвкалипт и не ушёл.

Едва слышный стук в дверь заставил его нервно вздрогнуть.

— Старший, проснулся? — прозвучал в тишине знакомый голос.

Застигнутый врасплох, Цзянь Мяо испуганно подумал, что всё ещё грезит, пока Цзян Яньчжоу не щелкнул выключателем.

Комната выглядела знакомой, но это явно была не его спальня. Цзянь Мяо застыл, неловко переведя взгляд на вошедшего:

— Я что... у тебя дома?

Цзян Яньчжоу кивнул, подошёл к кровати и достал бесконтактный термометр. Пока он со всей серьёзностью измерял температуру, боковым зрением он ловил каждое смущенное движение старшего.

— Ты так крепко спал, что мне не захотелось тебя будить, вот и привез к себе, — утаив улыбку, Цзян Яньчжоу посмотрел на экранчик. — Жар спал. Как себя чувствуешь? Есть хочешь?

—... Нормально, — Цзянь Мяо невзначай сжал одеяло, но, ощутив чужую ткань, мгновенно отпустил его. — Спасибо.

— Не за что. Я приготовил кашу, так что, если проголодался, вставай перекусить, — Цзян Яньчжоу указал на тумбочку, где лежали средства гигиены. — Всё новое, пользуйся.

Поставив у ног Цзянь Мяо пару мягких плюшевых тапочек, он окинул взглядом взъерошенную постель и вышел.

Когда Цзянь Мяо умылся и вышел, Цзян Яньчжоу уже сидел за обеденным столом. Его волосы

были чуть взъерошены, а сам он напоминал олененка, тихо наблюдающего за лесом.

В квартире царила идеальная чистота, витал едва уловимый, свежий аромат. Здесь было очень уютно.

Поскольку в спальне шторы были задернуты наглухо, только выбравшись в светлую гостиную, Цзянь Мяо понял, что наступило утро следующего дня.

— Брат ещё в дороге, так что багаж пока не привезли, — Цзян Яньчжоу отодвинул для него стул. — Каша тёплая, в самый раз. И как раз пора пить лекарство.

Цзянь Мяо удивлённо хлопнул ресницами. Он сам не помнил график приёма, а младший запомнил?

В прошлый раз, когда он болел, Дуань Сюй тоже напоминал о таблетках. Вот только по невнимательности перепутал дозировку, дав ему препарат трижды в день вместо двух, и Цзянь Мяо заметил ошибку лишь после приёма.

Цзянь Мяо сел за стол. Перед ним стояла не обычная рисовая жижа, а ароматная каша с маринованными сливами и зеленью.

— Ты сам приготовил?

— Угу, — Цзян Яньчжоу подпёр щеку кулаком, глядя на него с предвкушением. — Попробуй, как тебе?

— Спасибо, — Цзянь Мяо помешкал, бережно беря ложку. — И... не зови меня больше «старшим». Звучит слишком официально.

Цзян Яньчжоу и без того сделал для него слишком много, чтобы продолжать держать дистанцию учтивыми обращениями.

Младший задорно замигал:

— А как тогда? Братишка?

—... Как хочешь.

Цзянь Мяо осторожно зачерпнул с края пиалы и зачерпнул немного каши. Температура оказалась идеальной, а богатый, сбалансированный вкус тут же пробудил зверский аппетит:

— Очень вкусно.

— Я рад, а то боялся, что из-за болезни у тебя совсем пропадет аппетит, — Цзян Яньчжоу выложил нужные таблетки на чистый поднос и пододвинул стакан. — Вот тёплая вода. С дозировкой всё точно, не торопись.

— Хорошо.

Цзянь Мяо ел молча и безупречно аккуратно, проявляя прекрасные манеры.

— Я вчера занял твою спальню... Где же спал ты?

— Дома везде найдётся место, — улыбнулся Цзян Яньчжоу, придвигая воду.

—... Ты что, вообще не спал?

И впрямь не спал. Когда любимый человек лежит в твоей постели, да ещё и сам ищет твоих прикосновений, заснуть невозможно физически.

— Ничего страшного, я молодой, выдержу, — Цзян Яньчжоу подбородком указал на геймпад у телевизора. — Зато игру прошёл.

Вчера с самого утра они были на ногах, днем Цзян Яньчжоу несколько часов сидел за рулем, а ночью ухаживал за ним и варил кашу. Как он мог не устать?

Цзянь Мяо бережно сжал пиалу:

— Спасибо тебе. Правда.

Цзян Яньчжоу тихо рассмеялся:

— Не стоит быть таким церемонным. В следующий раз, когда я заболею, просто поухаживаешь за мной.

Он всё же предпочел обойтись без громких обращений.

— Договорились, — серьезно кивнул Цзянь Мяо. — Я обязательно за тобой присмотрю.

Допив кашу, Цзянь Мяо принял лекарство. Стоило ему проглотить последнюю таблетку, как Цзян Яньчжоу поставил перед ним блюдечко со свеженарезанными фруктами: там были

аккуратные ломтики киви, жёлтого персика и яблочные «зайчики».

Цзянь Мяо с любопытством воззрился на тарелку:

— Это ещё что?

— Награда, — Цзян Яньчжоу пододвинул фрукты ближе. — В детстве, если я послушно пил лекарства, мама всегда резала мне таких «зайчиков».

Осознав, что с ним обращаются как с ребенком, Цзянь Мяо усмехнулся:

— А если бы я отказался пить таблетки?

— Тогда пришлось бы уговаривать, — Цзян Яньчжоу поддел серебряной вилочкой яблочную фигурку. — Брат Цзянь Мяо ведь не станет обижать маленького зайчика?

Цзянь Мяо взял вилку и откусил кусочек. Яблоко сочно хрустнуло, обдав рот приятной сладостью.

Цзян Яньчжоу подпёр подбородок ладонью, с любовью наблюдая за тем, как старший жуёт. В его облике читалась кротость и нежность.

Заметив этот взгляд, Цзянь Мяо ёжикнулся и невзначай отвёл глаза.

Почему младший так смотрит на него?

Этот взгляд заставил Цзянь Мяо почувствовать смутную неловкость. Доев «зайчика», он решил сменить тему:

— Слушай... я могу кое-что спросить?

Цзян Яньчжоу послушно кивнул:

— Конечно.

— Ты знал Дуань Сюя в старшей школе? — Цзянь Мяо поднял на него глаза.

Утром в номере Дуань Сюй бросил странную фразу: «Угадай, почему Цзян Яньчжоу намеренно сблизился с тобой? Да потому что в школе мы с ним подрались, он просто отомстить мне хочет...».

Жаль, договорить ему не дал сам Цзян Яньчжоу.

Цзянь Мяо понимал, что верить слова Дуань Сюя нельзя, но его разбирало любопытство: с чего вдруг всплыла эта тема?

Пальцы Цзян Яньчжоу, лежавшие на столе, на мгновение замерли. Он встретил внимательный взгляд старшего.

Он-то думал, что из-за глупого поведения Дуань Сюя все эти мелкие детали улетучатся сами собой. Но Цзянь Мяо ничего не забыл.

— Не то чтобы знал, — Цзян Яньчжоу опустил глаза, и улыбка с его лица исчезла. — В школе мы действительно один раз подрались.

Цзянь Мяо слегка нахмурился:

— Из-за чего?

— Одна старшеклассница призналась мне в любви, а я отказал, — равнодушно пояснил Цзян Яньчжоу. — Оказалось, в неё был влюблён один его приятель. Тот пришел разбираться, и на эмоциях распустил руки.

— Того парня звали А-Хэ?

Заметив промелькнувшее на лице Цзян Яньчжоу удивление, Цзянь Мяо понял, что попал в точку.

Вэй Цзинхэ, главный хулиган Шестнадцатой средней школы Нуаньчэна. В том, что Цзянь Мяо когда-то заперли в кабинете корпуса искусств, была и его заслуга.

А Дуань Сюй уверял, будто знать не знает никакого Вэй Цзинхэ!

Мерзкое до тошноты прозрение мгновенно затопило разум. Цзянь Мяо отвернулся:

— И ты перевёлся в другую школу из-за этого?

— Не совсем... Но это была одна из причин.

Из-за того, что Цзян Яньчжоу говорил тихо и виновато отводил взгляд, Цзянь Мяо решил, что Вэй Цзинхэ сильно травмировал его. Травля в школе, если с ней не разобраться, оставляет шрамы на всю жизнь.

Лицо Цзянь Мяо потемнело, и вилочка в его руке с силой вонзилась в яблоко.

Сколько же ещё лжи вылилось на него из уст Дуань Сюя?

Достав телефон, Цзянь Мяо увидел кучу сообщений с незнакомого номера — Дуань Сюй продолжал молить о прощении.

Цзянь Мяо удалил всё и заблокировал абонента, после чего ответил Цяо Цяо, поинтересовавшемуся его самочувствием.

Время поджимало, да и некрасиво было дальше стеснять младшего. Цзянь Мяо поднялся:

— Кстати, где у тебя ванная?

Моющий посуду Цзян Яньчжоу отозвался через плечо:

— Рядом со спальней.

Цзянь Мяо обернулся. Справа и напротив спальни Цзян Яньчжоу располагались двери. Поколебавшись, он подошел к правой. На ней висела маленькая табличка с надписью «Секрет».

Это... ванная?

Стоило его пальцам коснуться дверной ручки, как сверху опустилась чужая ладонь — влажная, чуть прохладная, и крепко накрыла его кисть.

Знакомое прикосновение из-за капель воды ощущалось совсем иначе. Цзянь Мяо замер, ощутив лёгкую дрожь в пальцах.

— Это не там, — выдохнул Цзян Яньчжоу, запыхавшись от бега.

Подумав, что бестактно вторгся в чужую тайну, Цзянь Мяо тут же отдернул руку:

— Извини, ты сказал «рядом».

— Ничего страшного, — Цзян Яньчжоу мягко улыбнулся и подвёл его к другой двери. — Вот ванная.

Едва Цзянь Мяо скрылся внутри, Цзян Яньчжоу с облегчением перевёл дух и осторожно

приоткрыл «Секрет».

Внутри вся комната была увешана фотографиями Цзянь Мяо. Там же хранилась его старая куртка и куча случайно забытых им мелочей.

Воздух в этой комнате, казалось, был полностью пропитан ароматом с именем «Цзянь Мяо».

Цзян Яньчжоу с бесстрастным лицом захлопнул дверь.

Старший только-только начал доверять ему. Увиди он всё это сейчас... напугался бы до смерти.

Собравшись, Цзянь Мяо отклонил предложение Цзян Яньчжоу проводить его и самостоятельно спустился во двор.

Выйдя из лифта, он нашел в контактах нужный номер и нажал вызов.

— ... Ало, брат, — раздался из динамика хриловатый юношеский голос. — Что случилось?

— Чего голос такой осипший? — вздохнул Цзянь Мяо. — Слушай, у меня дело. Ты сегодня свободен? Помоги мне перехватить одного типа... Помнишь Вэй Цзинхэ?

— А, помню. Видел его пару дней назад, — отозвался парень. — Прямо сегодня?

— Прямо сегодня.

Младший действовал стремительно. Уже через два часа после звонка нужный человек был найден.

Когда Цзянь Мяо прибыл по адресу, избитый Вэй Цзинхэ уже сидел на земле, а рядом стоял юноша в чёрном худи и держал наготове биты.

— Чего драпал-то? С тебя ж всего пару слов спросить хотят, — парень сдёрнул белую маску и повернулся к Цзянь Мяо: — Брат, спрашивай.

Цзянь Мяо неторопливо подошёл к Вэй Цзинхэ. Когда он опустил взгляд, в его глазах проскользнула нетипичная для него ледяная вальяжность.

Вэй Цзинхэ, ожидавший увидеть коллекторов, с трудом сглотнул, узнав пришедшего:

—... Ты меня искал?

— Ну да. Больше года прошло с выпуска, а делишки у тебя, я смотрю, так себе.

— Ты совсем с дубу рухнул?! — Вэй Цзинхэ дернулся, но юноша тут же упёр биту ему в грудь, заставив того снова вжаться в угол. — Чего надо?! Я к тебе не лез!

— Не лез, факт. Просто хочу вспомнить былое, поговорить по душам, нельзя что ли? — Цзянь Мяо усмехнулся. — Я сегодня утром пересёкся с Сун Сюйцяном и услышал от него одну безумно интересную историю. Вот, решил у тебя переспросить.

Сун Сюйцян был лучшим корешем Вэй Цзинхэ в Шестнадцатой средней школе, с которым они вместе кошмарили учеников.

Не понимая, к чему клонит Цзянь Мяо, Вэй Цзинхэ огрызнулся:

— И о чём нам с тобой толковать?

Не успел он договорить, как юноша сзади отвесил ему пинок:

— Пасть прикрой.

Вэй Цзинхэ с яростью уставился на него, но, пасуя перед битой, замолк.

— О нас с тобой говорить не о чем. Речь о Цзян Яньчжоу.

Едва прозвучало это имя, Вэй Цзинхэ изменился в лице и явно пал в панику:

— Что тебе Да Цян наплёл?!

— Да ничего такого. Сказал, что идея принадлежала тебе, а он и Дуань Сюй тут вообще ни при чём.

— Дуань Сюй?! Он упомянул Дуань Сюя?! — у Вэй Цзинхэ вылупились глаза.

Цзянь Мяо по этой реакции всё понял и мягко улыбнулся:

— А ты как думал? Он парень сообразительный, скрывать ничего не стал.

Вэй Цзинхэ опустил глаза. На самом деле, когда Дуань Сюй звонил ему недавно, он сам не хотел во всё это влезать. А теперь, узнав, что его слил собственный поделец, окончательно потерял контроль:

— Нет! Дуань Сюй всё это затеял из-за тебя! Это ваши с ним терки, я тут вообще боком!

Значит, между ними действительно было нечто большее.

— Из-за меня? Дуань Сюй уверял, будто ты полез к Цзян Яньчжоу из-за девчонки, которая тебе нравилась.

Услышав, что Дуань Сюй открестился от всего, Вэй Цзинхэ взвился:

— Враньё! Он тогда заявил, что ты гей и прохода ему не даёшь! Мы думали, ты к нему пристаёшь, вот и решили умыть тебя! А Цзян Яньчжоу сам влезатель хренов, вот я на него и переключился!

Вэй Цзинхэ был тупым и вспыльчивым, так что развести его на разговор не составило труда.

Выходит, слухи о его ориентации в школе пустил сам Дуань Сюй?

Цзянь Мяо прищурился:

— Дуань Сюй был моим парнем, с чего бы ему клеветать на меня? Ты просто пытаешься переложить вину на него.

— Я перелагаю?! Да ты же сам у Да Цяна... — тут до Вэй Цзинхэ дошло, что его банально развели. — Ты что, не видел Да Цяна?!

Цзянь Мяо, разумеется, никого не видел. Все его слова были блефом.

— Видел или нет, а ты уже проболтался, — взгляд Цзянь Мяо оледенел.

Стоящий рядом юноша тут же прижал битую к виску Вэй Цзинхэ.

— Я знаю, что ты в долгах и тебе нужны деньги, — спокойно проговорил Цзянь Мяо. — Если ты прямо сейчас угодишь в больницу, кредиторы тебя не по головке погладят, верно?

Угроза звучала небрежно, но давила немилосердно. Вэй Цзинхэ уже успел оценить силу этой биты, поэтому покрылся холодным потом:

—... Я всё скажу.

Вскоре Цзянь Мяо узнал всю подноготную.

В старшей школе именно Дуань Сюй пустил слух о его ориентации. Вэй Цзинхэ, будучи его верным псом, решил «защитить» друга от «домогательств гея» и начал устраивать Цзянь Мяо пакости.

Дуань Сюй обо всём знал, но предпочёл остаться в стороне. А вот почему он потом натравил всех на Цзян Яньчжоу — Вэй Цзинхэ так и не смог ответить.

На этом допрос завершился. Почему Дуань Сюй вдруг совершил каминг-аут и начал так отчаянно ухаживать за ним, Цзянь Мяо не знал и знать не хотел.

Но теперь он твердо знал: человек, который тогда нашел его школьную форму и принес шарф, точно был не Дуань Сюем.

— Черт, брат, ты, оказывается, так огребал в школе! Знай я тебя раньше, переломал бы им все кости! — злобно бурчал парень, волоча биту по асфальту.

Цзянь Мяо заботливо отряхнул пыль с его куртки:

— Сяо Хэн, иди нормально.

Сяо Хэн недовольно угукнул и вскинул биту на плечо:

— Но делюге-то уже два года почти! Чего ты вдруг решил раскопать всё? И этот... Цзян Яньчжоу... Он вообще кто?

— Просто младший, которого обижали, — Цзянь Мяо зашагал по улице. — Что хочешь на обед?

Глаза Сяо Хэна мгновенно вспыхнули:

— Макдоналдс!

— И не надоело тебе, — улыбнулся Цзянь Мяо и повел его в заведение.

Уплетая гамбургер, Сяо Хэн потерял всякий суровый вид и стал похож на хомяка. Цзянь Мяо

потягивал апельсиновый сок, погрузившись в воспоминания о школьных годах. Мелкие детали наконец сложились в единую картину, объяснив странности в поведении Дуань Сюя.

За окном шел поток машин. Неподалёку от заведения замерли две фигуры.

— О, брат Цзян, — Чжоу Кэцзинь застыл перед светофором. — Глянь-ка.

— Чего тебе? — Цзян Яньчжоу поднял голову от телефона.

— Вон там, в Макдоналдсе... Это не твой старший?

Цзян Яньчжоу тут же свернул приложение и посмотрел в окно ресторана. У окна действительно сидел Цзянь Мяо. Напротив него сидел парень. С этого ракурса было видно лишь лицо Цзянь Мяо, а вот его собеседник сидел спиной.

Но Цзян Яньчжоу точно знал: эта спина принадлежала не Дуань Сюю. Она была значительно худее.

Новый младший?

Чжоу Кэцзинь рассчитывал просто подшутить, но, увидав, как лицо Цзян Яньчжоу мгновенно темнеет до цвета туши, тут же осекся.

— Э-э... ну, может, просто места не было и они подсели? — попытался он сгладить угол. — Сами понимаешь, час пик.

Но не успел он договорить, как парень напротив Цзянь Мяо поперхнулся и закашлялся. Цзян Яньчжоу отчетливо увидел, как его старший заботливо подал тому салфетку и мягко погладил по плечу, успокаивая.

Чжоу Кэцзинь: «...»

Попытка оправдать ситуацию провалилась с треском. Пока он соображал, какую еще отговорку придумать, Цзян Яньчжоу сунул телефон в карман и с ледяным лицом направился к дверям заведения.

— Брат? Цзян Яньчжоу?! — Чжоу Кэцзинь бросился за ним. — Ты куда?!

— Проголодался. Хочу Макдоналдс.

<http://bllate.org/book/19975/1986346>